

спора потихоньку остывал, по мере истекания в бутылке «лекарства» ...

Солнце давно оторвалось от земли и перемахнуло через верхушки большинства деревьев. Ветерок притих, успокоился и не колыхал большие деревья. День становился жарким, птицы прятались в листве, паучки в траве. На пруду полузаросшем камышом стоял штиль, только круги, да плескание сонной рыбы в камышах нарушали идиллию природы. Далеко за леском, где-то в деревне мычали коровы, звали на обеденную дойку.

– Митрич, что-то маловато разогревающего, давай на порцию, я – метнусь на рынок к бабе Нюре, – предложил Лёха.

– Шустряк, я бы тоже сбегал, да у меня осталось всего три тысячи, ровно на «коммуналку», – процедил Митрич.

– Ну, тогда попрошу в долг, заложу пиджак. Нюрка жалостливая, пиджак не возьмёт, а бутылку в долг – даст, – убеждённо пробурчал Лёха.

– Иди уже, а я сплаваю за картошкой. Всё – закуска, желудок порадует – обмолвился Митрич.

Он стал собирать в поход на участок картошки, что находился за прудом между развалинами старой усадьбы и новеньким, покрытым железной черепицей, коровником. Митрич пошёл в сарайчик, взял там весло для лодки, старый выцветший рюкзак и лопатку с черенком обломанным, как раз посередине. Прикрыв сарайчик и прижав дверь оставшимся обломком черенка, чтобы не открывалась ветром, он выдвинулся через огород и в дырку забора вышел прямо на едва заметную тропинку, ведущую к пруду.

«Барский пруд», как его называли местные люди, был не полноводным и заросшим камышом. Раньше, этот пруд был излюбленным местом отдыха горожан, вокруг него была проезжая дорожка и примечательный, каменный «горбатый мост» в конце пруда. Но однажды половина моста, от старости, обрушилась и перекрыла русло ручейка, вытекавшего из пруда. Мост стал не пешеходным, замшел и зарос не весть откуда взявшимися деревьями. Вода в пруду поднялась и пруд стал вполне судоходным для лодок и любимым местом для рыбаков. Деревянные лодки различных конструкций лежали на пологих берегах, как ленивые